

doi: 10.17223/978-5-907572-04-1-2022-84

**БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ КАК ПРЕТЕКТ ПОВЕСТИ
«СТАРУХА» ДАНИИЛА ХАРМСА**

Корнеев А.В.

Томский государственный университет, аспирант

**DIVINE LITURGY AS A PRETEXT OF THE STORY
«THE OLD WOMAN» BY DANIIL KHARMS**

Korneev A.V.

Tomsk State University, postgraduate student

В статье представлены результаты изучения творчества Даниила Хармса в свете религиозного сознания автора, которое формируется сакральными текстами. Впервые обнаружена связь чина Божественной литургии с главным произведением Хармса – повестью «Старуха».

Ключевые слова: Д. Хармс, «Старуха», Божественная литургия, сакральный претекст

The article presents the results of studying the art work by Daniil Kharms in the light of the author's religious affiliation, which emerges due to sacred texts. For the first time the connection between the Divine Liturgy order and the story «The Old Woman» as the main work by Kharms is found.

Key words: D. Kharms, «The Old Woman», Divine Liturgy, sacral pretext

Научный руководитель: Е.Г. Новикова, д-р филол. наук, профессор ТГУ.

В статье «Архетип Пасхи в повести “Старуха” Даниила Хармса» [1] было продемонстрировано, что в творчестве писателя действуют ключевые архетипы, свойственные христианскому сознанию. Кроме этого, на основе анализа записных книжек, свидетельств близких людей и изучения различных произведений писателя отмечалось, что Хармс, безусловно, был православным христианином [2]. Поэтому можно сделать предположение о том, что к творчеству Хармса применимы и другие свойственные православному мышлению категории.

И.А. Есаулов, помимо пасхальности, описывал соборность как центральную категорию православного мышления [3]. Под соборностью он понимал «единство по благодати Божией, а не по человеческому установлению» [3. С. 35]. Наивысшим выражением соборности в православии является Божественная литургия,

поскольку именно во время этой службы совершается таинство евхаристии. Как православный верующий Хармс неоднократно должен был присутствовать на Божественной литургии. Можно сделать предположение о том, что эта категория православного мышления также будет выражаться в его творчестве.

Как показывает анализ повести «Старуха», главного произведения Хармса, при построении структуры центрального ее эпизода писатель ориентировался на текст Божественной литургии, в связи с чем можно говорить о том, что Божественная литургия является претекстом «Старухи». В качестве претекста повести Божественная литургия выделяется впервые. При его специальном исследовании следует ориентироваться на современный текст Божественной литургии, поскольку с начала XX в. он не претерпел существенных изменений. Обращения к Божественной литургии трактуются как часть сакрального претекста в творчестве Хармса. Под сакральным претекстом при этом понимаются библейские, литургические и молитвенные тексты, на которые ориентируется Хармс при создании своих произведений.

О связи обеда Сакердона Михайловича и рассказчика с причастием писал еще Ю. Хейнонен, однако он лишь указал на эту связь и не проводил специального анализа роли причастия в повести, а также не проводил параллели между повестью и Божественной литургией [4].

В повести есть два наиболее крупных топоса – город и природа, явно противопоставленные друг другу. В статье «Архетип Пасхи в повести “Старуха” Даниила Хармса» [1] уже описывалось противопоставление двух пространств в повести, а также приводилась характеристика городского пространства как подчиненного греху и дьявольским силам. Поэтому мотив причастия инвертируется в повести «Старуха», что показывает отхождение героев от христианских ценностей. Однако эта инверсия архетипического подготавливает реализацию сюжета Пасхи, что и будет показано в данном анализе. Действия Сакердона Михайловича будут повторять действия священника во время Божественной литургии; необходимо уточнить, что значение имени Сакердон – «священник».

Божественная литургия определяет структуру обеда Сакердона Михайловича и рассказчика. Так же, как и Божественная литургия, обед начинается с вынесения хлеба и раскладывания его на тарелки. По поводу данного фрагмента важно отметить, что еда героев повести последовательно противоположна тому, что употребляется в пищу во время причастия. Так, если во время евхаристии используется вырезанный центр лучшего хлеба, называемый «Агнец», который позже преосуществляется в тело Христа и связан с чистой и непорочной жертвой, то рассказчик приносит «формовой хлеб, который дешевле» [5. С. 272]. Также герои едят вареное мясо и сардельки, которые содержат в себе свинину, ранее считавшуюся нечистой пищей, и пьют водку, крепкий спиртной напиток, в то время как для причастия используется кагор, разбавленное красное вино.

Следующая часть эпизода соответствует литургии оглашенных. В диалоге перед едой Сакердон Михайлович говорит следующее: «Водка – полезнее хлеба, а хлеб – это только солома, которая гниет в наших желудках» [5. С. 275], что является искаженной цитатой молитвы хора: «избавляющего от исления живот твой» [6]. Также в конце литургии оглашенных читаются заповеди блаженства, одной из которых является: «блаженны алчущие, ибо насытятся» [6]. Перед тем как приступить к еде, рассказчик говорит, что страшно голоден.

Структура следующей части эпизода соотносится с литургией верных, во время которой принимается причастие. Причастие принимается натошак. Рассказчик говорит Сакердону Михайловичу о том, что ничего не ел со вчерашнего дня. Также перед принятием причастия священник выносит на алтарь священные дары, используя специальное покрывало – воздух. Перед тем как приступить к еде, Сакердон Михайлович подхватывает с керосинки кастрюльку с помощью занавесок и ставит ее на пол (обращает на себя внимание противопоставление высокого и низкого). Именно связь с Божественной литургией объясняет поведение Сакердона Михайловича, которое ранее исследователи интерпретировали как неадекватное [7. С. 138]. Далее Сакердон Михайлович и рассказчик едят отдельно:

священники и миряне принимают причастие отдельно. После этого рассказчик говорит Сакердону Михайловичу о милой дамочке. Его рассказ является перевернутой исповедью, он словно бы рассказывает о блудном грехе, однако не раскрывает своей главной тайны о том, что в его квартире находится тело демонической «старухи». Нарушение последовательности «исповеди» и «причастия», а также то, что во время «исповеди» рассказчик скрывает свои главные тайны, еще раз указывает на переворачивание Божественной литургии. Далее на литургии верных читается символ веры. После «исповеди» герои очень показательно заводят разговор о вере, однако эти рассуждения их ни к чему не приводят.

Ближе к концу литургии поется «Чаю воскресения мертвых», которое, безусловно, связывается с последующей вечной жизнью, а следовательно, с бессмертием. Рассказчик говорит Сакердону Михайловичу о том, что размышляет именно о бессмертии. В конце литургии верных миряне покидают храм, а священники продолжают молитву за алтарем. Содержание молитв и действия священников известны мирянам. Это объясняет странное изменение в повествовании: если ранее автор повести был «я»-рассказчиком, то в конце этого эпизода он становится всеведущим автором, описывая то, что произошло далее с Сакердоном Михайловичем, даже после того, как сам покинул его комнату.

В целом эпизод строится на принципах, противоположных принципам Божественной литургии. Если во время нее провозглашается: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы» [6], то герои повести, напротив, презируют друга друга, спорят и не приходят к единому мнению. Перед началом литургии верных провозглашается: «всякое ныне житейское отложим попечение» [6]; эпизод обеда рассказчика и Сакердона Михайловича же подчеркнуто снижен и обытовлен. Также на протяжении всей литургии поются многочисленные троекратные восхваления Бога. На протяжении обеда Сакердон Михайлович трижды хвалит рассказчика: «За ваше здоровье! <...> За гения наших дней! <...> За ваши успехи!» и трижды чертычется [5. С. 274–275].

Таким образом, в целом мы видим, что мотив причастия последовательно инвертирован. Однако важно, что ключевым моментом этой повести является чудо, которое происходит именно вследствие событий, произошедших во время этой литургии, через «причастие»: у рассказчика случается расстройство желудка из-за съеденных им сарделек, в результате чего у него крадут в поезде чемодан с мертвой старухой. В этом событии герой будет видеть проявление судьбы, чудо, благодаря которому обретет веру. Именно обретение героем веры становится чудом. Чудо – центральная категория в этой повести, и об ее особом значении писала А.Г. Герасимова [7]. При этом важно, что А.Г. Герасимова выделяла как главную тему этой повести свободу воли, а конкретнее – свободный выбор между верой и неверием.

Крайне важно, что в этой повести чудо связано с судьбой и, следовательно, с планом Бога, с Божественным Промыслом о земном создании. Чудо в данном случае понимается в ключе концепции мифа А.Ф. Лосева. По его определению, миф – это «в словах данная чудесная личностная история» [8. С. 107]. Чудесное понимается как встреча эмпирического и идеального планов реальности. Действие судьбы интерпретируется А.Ф. Лосевым как одно из главных проявлений чудесного и может пониматься как выражение воли трансцендентного Бога в наблюдаемом мире. В соответствии с этим в кульминации повести происходит второе включение сакрального претекста – вводится окончание молитвы «Отче наш» [5. С. 422]. Герой обращается к Богу, смирившись перед ним. Главным чудом в повести становится обретением героем веры вопреки всему.

Обращает на себя внимание то, что Хармс приводит именно окончание молитвы, что превращает весь предшествующий текст в молитву, освящает и очищает его. В силу того, что ключевой особенностью текста «Старухи» является акцент на грехе, на постоянном описании ненависти и гордыни героя, эта молитва делает текст напоминающим о православных молитвах при подготовке к причастию.

Итак, несмотря на то, что в эпизоде обеда рассказчика и Сакердона Михайловича содержатся искаженные цитаты из

Божественной литургии, в результате чего она становится перевернутой и инвертированной, в конечном счете именно она подготавливает кульминацию повести, духовное возрождение героя и чудо обретения веры. Это как нельзя лучше иллюстрирует формулу соборности: «единство по благодати Божией, а не по человеческому установлению». Рассказчик откликается на призыв благодати вне связи с действием людей. Как известно, в православии действенность таинства считается независимой от святости священника, но определяется именно таинственным действием искупительной жертвы Христа. Именно поэтому, несмотря на инверсию мотива причастия, она выполняет освящающее действие.

Следует обратить внимание на то, что в повести упоминается «буддийский храм», но герой не заходит в него, проходит мимо, чем подчеркивается связь именно с православной традицией. Таким образом, претекст Божественной литургии в повести Хармса «Старуха», с одной стороны, отражает тягу к соборности и тоску по ней, с другой стороны, определяет динамику сюжета повести, путь героя от состояния подчиненности греху к воскресению.

Все это в совокупности позволяет обозначить такие особенности Хармса, как «церковность жизни» и «церковность творчества» [9] (в терминах А.М. Любомудрова), что дает основания включить его имя в ряд русских писателей и поэтов, в творчестве и жизни которых выразилась церковность: «Державин, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Зайцев, Шмелев» [9] – и Хармс.

Список источников

1. Корнеев А.В. Архетип Пасхи в повести «Старуха» Даниила Хармса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 7. С. 1969–1974.
2. Горбушин С.А., Обухов В.Я. Удивить сторожа. Перечитывая Хармса. М. : Икар. 2012. 184 с.
3. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского университета, 1995. 288 с.
4. Хейнонен Ю. «Это» и «То» в повести «Старуха» Даниила Хармса. Helsinki : Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 2003. 229 p.

5. Хармс Д.И. Собрание сочинений : в 3 т. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. Т. 2. 448 с.

6. Последование Божественной литургии // Фома.ру : сетевое издание. [Б. м.], 2000–2022. URL: <https://foma.ru/posledovanie-bozhestvennoy-liturgii.html> (дата обращения: 12.04.2022).

7. Герасимова А. Хармс как сочинитель (проблема «чуда») // Новое литературное обозрение. 1995. № 16. С. 129–139.

8. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М. : Мысль, 2001. 558 с.

9. Любомудров А.М. О православии и церковности в русской литературе // О литературе : Обновляемая база публикаций по вопросам литературы LITERARY.RU. [М.], 2008–2022. URL: https://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1195907248&archive=1195938592&start_from=&ucat=& (дата обращения: 12.04.2022).

doi: 10.17223/978-5-907572-04-1-2022-85

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ
СТИХОТВОРНЫХ ТЕКСТОВ Б. ПАСТЕРНАКА
В ПОВЕСТИ Ю. ТРИФОНОВА «ОБМЕН»**

Гендрин П.А.

Томский государственный университет, студент

**ARTISTIC FUNCTIONS OF B. PASTERNAK LYRICS
IN THE STORY «EXCHANGE» BY Y. TRIFONOV**

Gendrin P.A.

Tomsk State University, student

В статье выявляются смыслообразующие функции стихотворений Б. Пастернака «В больнице» и «Объяснение» в повести Ю. Трифонова «Обмен». Интертексты вступают в диалогические отношения с явлениями изображенного мира. Стихотворения Б. Пастернака, включенные в повесть, участвуют в формировании авторской концепции любви и художественного мира повести.

Ключевые слова: Ю. Трифонов, Б. Пастернак, интертекст, диалог

The article reveals the semantic functions of B. Pasternak's poems «In the Hospital» and «Explanation» in Y. Trifonov's story «Exchange». Intertexts get in dialogic with the phenomena of the depicted world. B. Pasternak's poems included in the story contribute to author's conception of love and the artistic world of the literary work.

Key words: Y. Trifonov, B. Pasternak, intertext, dialogue